

О попугаях

Как ни красочны и ни цветисты пересмотренные выше группы экзотических пернатых, в большей своей части вовсе неизвестных за пределами зоологов, все эти яркие аборигены тропиков — туканы, питты и нектарки, зимородки и трогоны уступают, если не изяществом, то смелостью цветов и красок следующей группе несравненно более известных птиц, само название которых стало нарицательным для выражения чрезмерной яркости и пестроты.

К обширному отряду **Попугаев** причисляют свыше 500 различных форм, распространенных в тропиках всего земного шара при частичном захождении некоторых видов в более умеренные зоны.

Как ни скромно общее количество имеющихся в Дарвиновском музее попугаев (немногим больше сотни..), их достаточно для наших целей: беглого критического рассмотрения их в свете нас интересующих проблем — вопроса о значении и роли, а тем самым и происхождении ярких одеяний этих оперенных арлекинов.

А наряды попугаев часто в полном смысле слова «арлекиновые».

Посмотрите на окраску «Лори многоцветного», из группы «Клинохвостых» *Logi*, рода *Trichoglossus*: сверху ярко травяно-зеленый, с синей головой, таким же брюхом, с огненно-красно-оранжевой грудью, ярко желтым исподом хвоста и маховых, с зелено-желтыми боками и подхвостьем. (*Tr. novaehollandiae*).

Или посмотрите на так наз. «Розеллу» (*Platycercus eximius*) из широкохвостых попугаев: красный, желтый, синий, голубой, зеленый, черный, белый в самых чистых и насыщенных тонах здесь собраны на оперении птицы в самом дерзком и контрастном, но от этого не менее изящном сочетании...

Но вот, что замечательно. Присматриваясь ближе к нарядам этих пестрышей невольно чудится сквозь мнимый хаос самых смелых, дерзостных контрастов ряд загадочных закономерностей.

Так, всего прежде, широко распространенное явление «многоярусности» опахал, не мало повышающей цветистость, пестроту нарядов.

Например, у вышеупомянутого Лори многоцветного (*Trichoglossus novae-hollandiae*) не только перья нижней стороны двуцветны (красно-оранжевые, красно-синие) порой даже «трехколерные» (зелено-желто-красные) но даже там, где, как на плечевых, окраска в сущности зеленая, отдельные их опахала, в части, скрытой налегающими сверху перьями, — двуцветны: ярко-красные при основании, желтые в середине, и зеленые лишь у вершины.

Эта многоярусность опахал содействует игре цветов и переливов, а у более миниатюрного зеленого «чешуйчатого» Лори (*Psittacus chlorolepidotus*) легкое просвечивание желтых оснований перьев на груди, ей придает характер мелкой чешуи или кольчуги...

Но и там, и здесь и та игра цветов, и эта «чешуя» — только попутные и привходящие явления, столь же мало предусмотренные в отношении конечного эффекта, как и полускрытые и даже вовсе спрятанные под зелеными вершинами — желтые и ярко-красные прикорневые «зоны» опахал.

Эта сложная расцветка опахал контурных перьев обусловлена гистологической структурой, или химией пигментов независимо от тех или иных влияний окружающей среды. И в самом деле. Скрытый от влияния извне, затерянный под покрывающим его зеленым одеянием, этот едва просвечивающий цветной ковер экологически столь же инертен, как неактуальна кумачевая рубаха, скрытая под гимнастеркой защитного цвета.

Эта красочность прикорневых отделов опахал — явление обратное обычно наблюдаемому в оперении птиц, покрашенном обычно только в части, обращенной к свету и невзрачном в части, скрытой от последнего: подобно грязному белью под ярким верхним платьем. Но не то у наших попугаев, у которых яркое «дессу» созвучно щегольскому верхнему их одеянию.

Но и там, и здесь сокрытые под налегающими сверху лицевыми кромками, или каймами перьев, эти корневые части опахал отвращены от света и чужого глаза.

Еще более достойна быть отмеченной расцветам нижних кроющих крыла и тыльной стороны первостепенных маховых.

Покрашенная снизу в ярко-контрастирующие цвета эта «подкладка» крыльев хорошо заметна только на расправленном крыле и будучи порой весьма различна у различных видов, подводится под понятие «сигнальной» и «распознавательной» окраски, облегчающей взаимное распознавание сочленов той же группы не глазами орнитолога, но таковыми... самых обладателей этих окрасок, наших птиц.

Но не касаясь ближе сложной и запутанной проблемы «Эписематической» окраски (Пультон) с общей и принципиальной стороны, мы ограничимся сейчас чисто формальной стороны вопроса, разумея самый тип распределения цветов на этой крыловой «подкладке» попугаев.

Две особенности обращают на себя наше внимание. Так всего прежде полная тождественность окрасок и узоров этих партий оперения у попугаев, относящихся к тому же роду, но локально разобщенных. Таковы два близких вида *Trichoglossus novaehollandiae* из Восточной Австралии и Тасмании и *Tr. massena* с Новой Гвинеи и прилегающих о-ов.

Обе они, эти две формы, резко разнясь по окраске низа, обладают сходною расцветкой тыльной стороны крыла: красными кроющими, желтыми пятнами на серых маховых.

Но посмотрите на ближайших родичей этих двух птиц, так называемых «широкохвостых» попугаев (рода **Platicercus**) с их преимущественно красным оперением.

Перед нами три подобных попугая, все три — красные с лайковыми крыльями и разнятся они только деталями окраски темени и верхней стороны:

Lorius hypoleucos (Арх. Бисмарка): желтые маховые, красные кроющие.

Lorius erythrothorax (Нов. Гвинея) — как у предыдущего.

Lorius garrullus (О. Хальмахера): занесение красного — желтым с черным, желтого — красным.

Еще более наглядно эта разница в окраске маховых при их рассмотрении сверху. При спокойном состоянии оливково-зеленое крыло ничем не выдает цветистой обличовки маховых, и лишь расправив, приподняв наружные их опахала, можно видеть ярко выступающие пятна внутренних: то ярко желтые (у первых двух) то ярко-красные (— у третьей птицы).

Тот же тип отметин, только разных колеров: как будто невидимая рука литографа использовала тот же основной рисунок, применив различные лишь камни: желтый или красный.

Утверждать **полезность** («адаптивность») этих двух различных типов обличовки маховых — столь же расковано, как и всецело отрицать ее. И если в отношении рассмотренных трех форм, локально разобщенных, разные расцветки маховых «сигнально» беспредметны, то тем более полезны они могут быть по отношению к другим подвидам, или расам, обитающим совместно с только что описанными, но случайно не имеющимися под рукой.

Решение этого вопроса, если и не эмпирически (путем прямого наблюдения), то логически возможно только при наличии достаточного шкуркового материала, не имеющегося в нашем Музее.

Очень показательно, что там, где общая окраска оперения у близких и совместно обитающих различных видов попугаев явственно различна, — кроющие их крыла и маховые часто совершенно одинаковы: при резкой разнице в расцветке самого наряда мелкие различия в «опушке» и «наплечниках» становятся излишними.

Стоит только сопоставить наиболее известных представителей «широкохвостых» попугаев рода **Platicercus**:

P. elegans мантия красная, низ красный (В. и Юж. Австралия) (до Виктории)

P. pallidiceps мантия желтоватая, низ светл. голубой (Вост. Австралия) (Виктория)

P. eximius мантия зеленая, низ красно-желтый (Юж. Вост. Австралия.) (Виктор.)

При всем различии их оперения, основной их тип и стиль рисунка одинаковый: черные пятна мантии, охваченные светлыми краями, темные плечевые, однотонное надхвостье, лишь цвета меняются, от желтоватого и красного к зеленому.

Особенно характерна и поучительна окраска плечевых и кроющих крыла: Словно исчерпав все разнообразие цветов и красок на контурное оперение, Природа сохранила тот же тип окраски и узора в отношении крыльев, в такой степени похожих у различных видов, что два крайних вида, красный *P. nigricans* и пестрый *P. eximius* могли бы поменяться названными партиями и заметили бы это только зоркие глаза специалиста-орнитолога.

И вот, перед лицом этого странного явления — безумной расточительности в красках и консерватизма в сохранении рисунка, мысль естественно склоняется к двоякому подходу в объяснении этой косности и этого каприза: там — упорное наследование «типа», здесь только частичная его модификация.

Бесспорно, что и там, и здесь царят закономерности, но они разного диапазона, то касаясь целостного облика животного, то лишь отдельных компонентов, там охватывая стиль всего наряда, здесь — повторение его же но в различных цветовых тональностях.

И в свете этого двоякого подхода в изучении интересующего нас явления, расточительности гаммы красок и настойчивости сохранения типа, представляется полезным охватить хотя бы самым беглым образом главнейшие разделы занимающего нас Отряда.

Группа «Амазонских попугаев» словно закрепила на своем ярко-смарагдовом или травяно-темном оперении зеленый океан лесов родной Бразилии...

Но посмотрите, как на этом фоне, столь созвучном окружающей природе, прихотливо-вычурно разбросаны отметины других цветов...

Так, всего чаще красные или оранжевые оторочки на хвосте и крыльях, красные же пятна или полосы на сгибах крыльев, реже красные надхвостья, чаще ярко-желтые отметины на темени, щеках, нередко в оттенении белым, или голубым и синим.

Разгадать, где подлинные и самостоятельные «виды», и где только местные, географические расы, или разновидности, — задача, очень интересная для разрешения видовой проблемы, но доступная лишь на большом музейном материале.

Еще более запутанным является другой вопрос: о роли и значении пестрых отметин на зеленом оперении Амазонов.

В самом деле. Перед нами — небольшая группа этих попугаев нашего музея. Все они зеленые и все в различной мере с красными отметинами, то на лбу, то в области хвоста, на сгибах крыльев и всего упорное на внешних опахалах некоторых (именно второстепенных) маховых.

Сказать, что эта примесь красных перышек случайна — мы не в праве, видя, как упорно пробивается она у разных форм.. но место проявления ее, различное у разных видов, носит именно характер если не каприза, то чего то крайне безразличного, вернее, — равноценного.

В самом деле. Почему этот горящий красный цвет так прихотливо выступает столь различно у различных форм? Свести это к понятию «приспособления» — столь же рискованно, как и различную расцветку головы у тех же попугаев:

- То — сплошь желтую, у крупного желтоголового (*A. Levallanti*)
- То — желтую с голубым у основания клюва (*Amazona amazonica*)
- То — с белым лбом и синим теменем (*A. albifrons*)
- То — с синим лбом и белым теменем (*A. aestiva*)
- То — с красным лбом и красным теменем (*A. viridigalis*)
- То — с винно-красным лбом, зеленым теменем (*A. festiva*)

И столь же переменчиво-капризно оперение крылового сгиба: Желто-красное (*A. suripoliata*), лимонно-желтое (*A. Levallanti*), красное (*A. Aestiva*), то припущенное — до «крылышка» у *A. elbofasciana*, то сплошь зеленое (у *A. amazonica*), то с ярким кобальтом пониже сгиба (*A. festiva*).

Таковы только немногие примеры из собрания Дарвиновского Музея. Станный компромисс закономерности и прихоти, по крайней мере для слепого человеческого глаза!

И в поисках разгадки этого явления переводим взгляд на обитающую там же, по лесам тропической Америки с заходом некоторых видов в более умеренные зоны попугаев группы «клинохвостых» (род **Conurus**) в тридцати примерно формах частью заменяющих друг друга в смежных ареалах, частью обитающих совместно.

Более подбиристые, длиннохвостые и стройные они являют еще в большей мере это странное смешение «нормы» и «каприза».

Здесь достаточно сравнить три экземпляра нашего Музея:

C. leucophthalmus: весь зеленый, красный сгиб крыла.

C. mitratus: весь зеленый, красные лоб и темя.

C. acuticaudatus: весь зеленый, голубая голова, красные внутренние опахала рулевых.

Три на удачу выхваченных вида, обитающих отчасти в той же местности (Боливия) с первого взгляда различимых глазом орнитолога.

В такой ли мере важны и оправданы эти окраски для самих животных? Такова ли зоркость глаза попугаев, чтобы уловить эти детали размещения пунцовых пятен и отметин?

Оставляя до другого места обсуждение этого вопроса, и приглядимся ближе к некоторым деталям оперения этих птиц.

Приподнимем исподнюю часть крыла у наиболее зеленого из трех сочленов ряда, у *C. leucophthalmus*: там, где у других двух (у *C. mitratus* и *acuticaudatus*) крылья снизу одноцветны с телом, именно **зеленые**, там у наиболее их одноцветного сородича, (*C. leucophthalmus*) нижние кроющие явственно напоминают таковые у Ново-Гвинейских **Лори**: та же ярко-красная окраска верхней части, резко отделенная от ярко-желтых партий нижнего их яруса.

Но вот, что замечательно: Там, где у старосветских попугаев (Лори) красно-желтый цвет распределен по разным группам перьев (красные — кроющие, желтые — пятна рулевых) там, новосветские Конурусы имеют эти две окраски приуроченными к двум отделам (ярусам) все тех же нижних кроющих крыла.

Короче: тот же результат осуществляется в двух разных группах попугаев, разделенных тихим океаном, совершенно разными приемами. И этот факт невольно заставляет призадуматься: эта настойчивость, с которой одинаковый эффект реализуется различными путями вынуждает думать, что эффект этот биологически оправдан.

Выражаясь языком морфолога, возможно было бы сказать, что цветность нижней стороны крыла ново-гвинейских Лори и американских «клинохвостых» попугаев не **гомологична**, но **аналогична**. И как в области структур и в частности рудиментарных органов, аналогичность признаков и состояний у животных разных групп дает ценнейшую поддержку эволюционному учению, «аналогичность» крыловой «подкладки» в разных группах попугаев, красных Лори и зеленых «Клинохвостых», преисполнена значения и смысла.

И теперь еще одно. Присматриваясь ближе к оперению некоторых клинохвостых попугаев, в частности к *C. mitratus*, можно видеть беспорядочно рассыпанные красные перышки.

Вкрапленные то здесь, то там, в зеленое сплошное одеяние, они как будто выдают потенциально скрытые резервы цвета дополнительного, «красного», как будто только ожидающего некоего стимула для выявления во вне.

Что это так, — в этом нас убеждает одно давнее, повторно приводившееся наблюдение: мы разумеем изменение окраски перьев некоторых попугаев, вызываемое необычным их питанием, в частности обильное возникновение желтых перьев на зеленой мантии у амазонских попугаев, как это показывает хорошо один из экземпляров Дарвиновского Музея.

Но ведь если так, то лишь естественно в вопросе о возникновении пестрых нарядов попугаев различать окраски двух различных типов: чисто- **физиологические**, возникающие под влиянием внутренних процессов роста и обмена и другие, не сводимые к одной физиологии без регуляции **экологической**.

И в этом смысле те обильные мазки и кромки, что пестрят на одеянии попугаев, мы не склонны каждый раз увязывать с деталями их биологии. Но еще менее оправдано всецело отрицать эту зависимость, эту увязку там, где подтверждается она повадками и поведением животного.

Для иллюстраций — один пример.

Живущий в Верхней Амазонки попугай *A. festiva* сплошь зеленый, кроме красного надхвостья и лазурных маховых, в покойном состоянии ничем не выдает последних двух цветов: настолько они оба скрыты под зеленым цветом мантии и кроющих крыла.

Не то при токовании попугая, когда круто запрокинув голову и опустивши крылья он внезапно открывает красное надхвостье, словно вшитое в зеленую оправу и сверкающее ярким пламенем, контрастно оттеняемым зеленым окружением.

Для каждого, кто наблюдал при жизни эту птицу и ее движения, это попеременное то вспыхивание, то погасание пурпура, не может быть сомнения в биологической его оправданности.

Сходным образом мы в праве думать про подобные отметины на спинке и надхвостье маленьких изящных попугайчиков рода *Psittacula* (Бразилия), рода *Logiulus* из южной Азии и рода *Agarornis* из экваториальной Африки.

Различные по цвету, то пурпурно-киноваре-красные (*Logiulus*), то кобальтово-синие (*Psittacula* и *Agarornis*), но и там, и здесь в оправе зелени смарагда или малахита, эти цветовые вставки, скрытые в покое, выступают, вспыхивают, как сверкающие огненные «лампички» в моменты высшего экстаза этих маленьких древесных эльфов в пору их взаимных любований, не случайно закрепленных в трогательном, поэтическом названии самых птичек: «неразлучек»...

Но оправданное для цветистых спинок применимо и для красочных головок: не отсюда ли эти упорно повторяющиеся у самых разных видов попугаев красные, оранжевые, голубые, желтые манишки, галстуки, воротнички и шапочки, кокошники и маски, ожерелья, гребешки и диадемы, все эти бесчисленные украшения, которые с такою щедростью Природа расточила в оперении этих птиц, словно соперничая с их крикливым голосом и суевливым нравом.

Посмотрите на изящных попугайчиков из рода *Chamosyna*: Вот — более рослая из них *X. josephinae*: пурпурная снизу, малахитовая сверху. Но ведь этого как будто мало! И наворачивая эту относительную скудость красок, красная головка дополняется пурпурно-фиолетовым затылком, зелень спинки — синей поясницей, красный хвостик — желтыми концами перьев...

А у более миниатюрной, не случайно названной «*pulchellus*» пурпур низа дополняют золотые нитевидные пестринки..

Не всегда, однако, этому богатству красок отвечает тонкость цветовых мотивов. Всего чаще упрощение стиля наблюдается у крупных попугаев, у которых дерзость красочных контрастов достигает часто степени гротеска.

Словно не успев доделать тонкости рисунка, наспех, наскоро набросив две-три краски в самых смелых сочетаниях Природа ограничилась расцветкой птиц на стадии «лубка».

Взгляните на широкохвостых, самых многоцветных попугаев.

Всего реже наблюдается сплошь желтый, но и он представлен у так наз. «горного» широкохвоста (***Polytelis melanura***) с желтой головой, таким же низом и надхвостьем, желтыми кроющими крыльями, темными маховыми и хвостом, зеленоватой спинкой и довольно неуместной тускло-красноватой перевязью на крыле.

Взгляните на так наз. «**Лопи королевского**» (***Aprosmictus суаноругинс***) с Вост. и Южн. Австралии: этот горящий киноваре-красный низ и голова, при темно-травянозеленой мантии... на обитающего в той области Австралии ***Ptilines erythropterus*** с распределением, обратным: именно смарагдово-зеленый снизу и такой же головой, но киноваре-красным цветом кроющих крыла и черной мантией.

Казалось бы достаточно контрастов даже для не слишком острого и пронизательного глаза, или восприятия.. Но нет! И в дополнение к этим звенящим краскам, по принципу дополнительных цветов, надхво-

стье, или, говоря точнее, поясница у обоих попугаев — синее. Невидимая, скрытая в спокойном состоянии крыльями, эта окраска поясницы (темно- синяя у первого, небесно-голубая у второго..) вряд ли повышает эффективность общего наряда даже в позе «токования»..

Это сомнение можно выразить формулятивно следующим образом.

Считая за доказанное адаптивность **ярких** поясничных вставок или головных отметин, столь присущих многих попугаям, трудно объяснить «приспособлением» наличие отметок, темных, тусклых, не содействующих ни контрасту, ни эффекту общей цветовой мозаики.

Сравните двух широкохвостых попугаев:

Platicercus *Bernardii* с Южной и Ю. В. Австралии, и
Platicercus *zonariius* с Южной Австралии.

Оба — без столь характерной для попугаев этой группы цветовой каемчатости мантии, оба — со сходным цветом рулевых и крыльев.

Но в то время, как у первого зеленая головка изукрашена пунцовым лобиком, второй имеет голову сплошь грязновато-бурую с едва заметным синеватым блеском нижней стороны.

При общем складе и строении (второй немного лишь крупнее первого!) и частью общем ареале обитания, сходной окраске большей части оперения, — этот изящный головной убор у первой птицы и «монашеский» — второй наводят на сомнение о пользе головного украшения вообще.

Это сомнение углубляется, если учесть число различных попугаев, обойденных «арлекиновым нарядом».

Небольшая группа, частью нам уже знакомых «клинохвостых» попугаев всего прежде обращает на себя внимание: небольшие, стройные, подбористые с тусклым и как бы погашенным зеленым цветом мантии, оливково-зеленым или сероватым цветом головы, зеленовато-желто-бурым низом, скромно изукрашенными рядами поперечных кромок, рыжеватым брюхом и зеленовато-ржавчатыми или красноватыми хвостами, тускло- голубыми маховыми, эти птицы словно позабыли, что они — «экзоты», в некоторых своих сочленах, правда, доходящие до Сев. Аргентины (**Pyrehura**, *P. molinae*) а отчасти (*P. ferruginea*) и до Магелланова пролива.

Обнимая свыше двух десятков форм, варьирующих все в пределах той же гаммы тусклых и полупогашенных цветов, эта подгруппа попугаев перейти к еще более тусклым и невзрачным.

Опуская африканских, издавна известных под названием «Жако» пепельно- серых, краснохвостых столь прославленных «говорунов», мы остановимся на близко родственных, более мелких попугаях рода **Poicephalus**, типичным представителем которых можно взять *P. Meyeri* с крайне характерным невзрачным оперением: темно-землисто-бурым, с ярко-желтым теменем, таким же сгибом крыльев, бледно-зеленым брюхом и сверкающим, ярко-зеленым, бирюзовым оперением поясницы и надхвостья.

Контрастируя необычайно резко с остальным невзрачным оперением, эти яркие отметины являются, быть может, частным случаем «сигнально-сексуальных» и распознавательных орнаментов.

В известной степени под ту же категорию возможно подвести наряды австралийских, как и некоторых Ново-Гвинейских попугаев, выделяемых в особую подгруппу **черных какаду**, отчасти нами уже упомянутых.

Вот перед нами — самый крупный и внушительный, так называемый «**Арапа-Какаду**» с Новой Гвинеи с колоссальной клювом и сплошь черный по окраске, в оттенении которой резко выступают красные голые морщинистые щеки.

Менее мрачно, хотя все же траурно черное с желтым крапом «вдовье» одеяние «Банксовского Какаду» с Южного Уэльса и землисто-бурое с красными пятнами на рулевых — «Соландерова Какаду» из южной области Австралии.

Во всех доселе приведенных формах — траурное оперение оживлялось все же то расцветкой рулевых, то светлым крапом оперения груди и мантии, то размалевкой голых щек...

Еще нагляднее это упорное стремление расцветить хотя бы лишь частично темные наряды яркими мазками-пятнами, — мы видим в оперении странного *Dasyptilus pescetii*, обитателя Новой Гвинеи, с полуголой головой, покрытой редкими щетинками и с киноваре-красным оперением надхвостья, брюха и отдельных партий крыльев, что особенно заметно на расправленном крыле.

Но что сказать о совершенно одноцветных, темно-аспидного цвета попугаях острова Мадагаскара, выделяемых в особую подгруппу «**Ваза**»: Что-то бесконечно нудное во всей наружности этих созданий, обездоленных всецело ярким одеянием их родичей: ни тени, ни намек на подобие расцветки и весь облик этих птиц — настолько удручающий, что наш обыкновенный грач и ворон кажутся красавцами в сравнении с этими живыми символами грусти и печали.

Что особенно заслуживает быть отмеченным — это наличие на том же острове Мадагаскаре **двух** различных видов этих облеченных в траур попугаев:

«**Ваза большой**» — (*Coracopsis vasa*) и

«**Ваза малый**» (*Coracopsis nigra*).

Обитают обе формы **в тех же местностях**, но по свидетельству исследовавших их на месте **никогда** не смешиваются, но держатся всегда отдельно, обособленно и это вопреки тождественности оперения и лишь ничтожной разнице в размерах тела, исчезающей даже на близком расстоянии.

Этот последний факт способен навести на ряд недоумений.

Каким образом — естественно спросить — связать эти различия обеих форм с их обитанием в одних условиях и сходством их повадок? И обходятся же эти попугаи без малейших «сексуальных» украшений, без «распознавательных» значков и пятен!

Разбираемый пример показывает нам всю нарочитость и условность, всю искусственность попыток навязать общественным пернатым типа попугаев человеческие трудности в распознавании своих сородичей. Все говорит за то, что не в пример людскому обиходу, птицы обладают специфическими средствами распознавания сочленов своего, или чужого вида, и ни мало не нуждаются в особых «зрительных» сигналах.

Но еще загадочнее эта пара птиц в аспекте видовой проблемы вообще.

И в самом деле. Соглашаясь даже, что в сравнении с другими экзотическими странами, именно Африка имеет наименее цветистых попугаев, все же непонятно, почему на долю именно Мадагаскара выпало иметь самых невзрачных членов из всего Отряда. То, что прилегающие к названному острову — Сейшели и Коморы обладают каждый своей местной, более миниатюрной расой (*C. comogensis*, *C. sibilans*) легко связать с тенденцией к мельчанию, наблюдаемой у островных животных. Но какие факторы содействовали этой темной их окраске вообще — нам не легко понять, особенно если учесть, что под такими же широтами, в Австралии или Бразилии, десятки видов попугаев блещут и сверкают арлекиновым нарядом и на самом острове Мадагаскаре есть не мало птиц, достаточно блестящих по окраске (так Нектарки, Зимородки, Щурки..)

И на фоне этих темных двух мадагаскарских птиц проблема генезиса ярких оперений попугаев частью умалется в своем значении, поскольку яркость эта до известной степени теряет в своей роли, как чего то predeterminedного средой и биологией их обладателей. Не в смысле абсолютной автономности последней, но как лишнее опровержение концепций ультра-дарвинистов стиля Вейсмана и их тенденции — усматривать везде и всюду «пользу» и «приспособление».

Но предположим все же, что отсутствие на острове Мадагаскаре ярких попугаев (небольшой зеленоватый и сероголовый попугайчик *Psittacula madagascariensis* не меняет дела!) обусловлено какими то особыми, нам ближе неизвестными причинами, и что невзрачная окраска тех, что там имеются, биологически оправдана...

Но вот другой пример и до известной степени гораздо более загадочный.

В той самой группе ярких попугаев, с рассмотрения которых мы отчасти начали наш очерк, именно «широкохвостых» **Лори**, обитателей Индо-малайского Архипелага и Новой Гвинеи, большинство которых блещет и горит самими жгучими цветами с явным предпочтением красного (Роды Лориус *Lorius* и Эос *Eos*), — мы встречаем попугаев рода **Chalcopsitta**, большинство которых поражает темным, и отчасти абсолютно

черным цветом (*Ch. atra* с Западной Гвинеи) лишь со слабым лиловатым блеском, отличающимся выгодно от матовых Мадагаскарцев, да пунцово-желтым исподом хвоста напоминающих о своей близости с горящим пурпуром сородичей.

Особенно достойно быть отмечено, что обитающий в Юго-восточной области того же острова *Ch. Duivenbodei* имеет при господствующем буром оперении тускло-желтоватые отметины на темени и зобе, блекло-оранжевые перевязи и отметки на груди и брюхе, желто-красный испод рулевых и ярко-желтую окраску части маховых, именно внутренних их опахал, ничем не выдаваемую при спокойном состоянии крыла.

В наряде этой птицы мы как будто видим состояние, переходное к более ярким представителям, ступень связующую предидущий вид (*Ch. atra*) с красочными яркими сородичами той же группы **Лори**.

И опять, и снова мы в недоумении: на том же острове встречая киноваре-красных попугаев, и смоляно-черных и в известной мере переходных между ними.

Нет сомнения, что пример этот высоко поучителен. И в самом деле. Не легко вообразить другой, нагляднее и проще поясняющий взаимосвязь «красных» и «черных» попугаев той же местности, особенно если учесть упорное, настойчивое появление черных элементов в оперении даже наиболее «красных» представителей семейства.

И, однако, только о «взаимосвязи», об интимной кровной генетической зависимости говорят нам эти черные и красные наряды и взаимно вывести одни наряды из других, или сказать о **направлении** эволюции, о том, произошли ли красные от черных, или черные от красных, — мы не в состоянии, не можем потому, что желто-красные отметины на буром оперении одних ново-гвинейских попугаев и пурпурный слабый блеск на черном оперении другого могут быть толкуемы и как зачатки будущего пурпура всего наряда, и как отголоски и следы былого. О взаимосвязи с окружающей средой та и другая «масть» нам ничего не говорит, поскольку та же Новая Гвинея приютила и, быть может, породила вместе со звенящими окрасками широкохвостых попугаев также погребальные наряды черных «вороновых какаду».

Тем настоятельнее все же выдвигается вопрос о генезисе этих одеяний, столь различных и взаимно столь противоречащих друг другу.

И в искании ответа нам придется разобрать этот вопрос с тройкого аспекта, трех различных точек зрения.

- I. Апеллирования к «прямому действию среды» и всего прежде климата в широком смысле слова, а тем самым допущения медленных и постепенных изменений оперения без обязательности «адаптации» последнего.
- II. Подведения этих окрасок под понятие «органических» приспособлений (адаптаций), памятуя, что при позитивном разрешении вопроса предопределяется и объяснение этих окрасок действием подбора небольших «полезных» уклонений.
- III. Возможности участия в возникновении нас занимающих окрасок элементов «мутативного» характера, скачков или «прерывов постепенности» (**В. Ленин**), также без необходимости увязывания их с понятием приспособления.

Начнем с разбора пункта первого и самого неблагоприятного, настолько — как мы видели — попытка усмотреть в сверкающих, кричащих арлекиновых нарядах попугаев элемент «приспособления» встречает исключительно большие трудности, как по мотивам логики, так и фактического наблюдения.

Эти последние сводимы, как мы видели, к встречаемости в тех же группах попугаев форм, то расточительно расцвеченных, то лишь умеренно покрашенных, то тускло-монотонных.

Несомненно, что из всех трех категорий группа **средняя** имеет наибольшее для нас значение. И в самом деле. Стоя перед арлекиновым нарядом попугаев типа **Лори**, видя их мозаику цветов и хаос красок, трудно подавить в себе мозаику и хаос мыслей без надежды примирить их в некоей единой целостной системе.

Но не то при созерцании примеров средней категории: здесь самый тип «частичной» и локализованной покраски помогает увязать ее с повадками животных, то ли в направлении сексуальных украшений, то ли в направлении сигнальных и распознавательных отметин.

То упорство, та настойчивость, с которой яркие участки оперения, всего чаще поясницы и надхвостья, скрытые при состоянии покоя, выступают зазывательно-рельефно при определенных лишь движениях и состояниях птицы, именно в моменты «тока», или при полете на развернутом крыле и на расправленном хвосте, — эта бесспорнейшая связь окрасок и повадок, говорит о некоей реальной связи в смысле приспособленности первых ко вторым.

Но признавая эту связь и обусловленность, мы далеки от понимания ее причин и факторов возникновения. И если в роли «сексуального» аттракциона красное и синее пятно, внезапно вспыхнувшее на спине зеленого токующего попугая, или бирюзовое — на фоне буроватого пера (у африканских *Psittacus*) может считаться эффективным (с точки зрения орнитолога и ...попугая), то приписывать подобную же роль и действенность ярких отметин, как «распознавательных» сигналов для сородичей того же вида, — более, чем спорно.

Существует, правда, указание на то, что разные по оперению попугаи, разные виды того же рода, собираясь вместе на кормежках, разлетаясь, держатся всегда и неизменно **своей** стаей, и, однако, заключать отсюда о значении «распознавательных» отметин — значит подводить нейтральный факт под априорное истолкование.

Но допустим даже, что по аналогии с бесспорными примерами сигнальных («эписематических») окрасок, яркие отметины, пестрины, пятна на хвостах и крыльях попугаев служат и содействуют распознаванию членов той же стаи и того же вида... Заключать отсюда о когда то **постепенном** зарождении и усилении этих полос и пятен — мыслимо, возможно лишь ценой отказа от значения и смысла этих цветowych сигналов.

И действительно. Одно из двух: Либо означенные цветочные знаки — и при том на данной стадии их выражения — **жизненно** необходимы для существования данных видов попугаев, но тогда не так легко понять, как обходились предки этих попугаев до того, как стали появляться (и при том лишь постепенно нарастая..) эти ныне столь необходимые значки-отметины? Либо — детали в их осуществлении не так уже витально-важны и воспринимаются лишь общий тип и стиль расцветок и разметок, — но тогда какая же причина стимулировала и толкала прогрессивное развитие этих отметин, раз их небольшие изменения оставались за пределами фактического восприятия самими птицами..?

Отсюда вывод: мысль, гипотеза о **постепенном** нарастании эффекта «эписематических» окрасок внутренне-порочно-противоречива, допуская в отношении птиц способность улавливания тончайших индивидуальных отклонений в области тех самых разрисовок и отметин, состояние которых **ныне** лишь едва достаточно для выживания вида.

Вроде и конкретнее: с позиции сторонников эпизематической окраски следует признать, что находимые сейчас цвета «подкладки» нижних кроющих и разрисовка нижней части маховых у современных попугаев (типа многоцветных и широкохвостых Лори) абсолютно-жизненно-необходимы. И, однако, возникал — так говорят сторонники их **постепенного** развития — эти цвета едва заметными шажками, прежде, чем сложиться в современной форме. Но, каким же образом, — так хочется спросить — могла успешно обходиться в жизни, при распознавании друг-друга предки современных попугаев в пору лишь едва заметного у них набора нынешних цветов, неизмеримо уступавшего по яркости тому, что существует ныне?

Если на определенной стадии и в результате самого сурового подбора зафиксировалась некая ступень «распознавательных» отметин, удовлетворявшая потребность распознавания, то каковы же стимулы, толкавшие к дальнейшим изменениям, зачем понадобилось дальше изменяться в том же или новом направлении?

Сказанное поясним сравнением.

Допустим, что в итоге длительных переговоров удалось установить международный «код», условный цветовой язык сигнализации для моряков, определенный всеми принятый «язык» флажков и цветowych огней.

Не трудно видеть, что вся польза этих начинаний оказалась бы бессмысленной при непрерывно продолжающихся изменениях этих цветов флажков и фонарей.

Отсюда вывод: допущение медленных и постепенных изменений как источников возникновения «распознавательных» окрасок есть «противоречие в себе». Эти окраски мыслимы либо как возникавшие внезапно в более или менее готовом виде, чтобы быть подхваченными «Подбором», либо, если все же защищать

их **постепенное** происхождение, окраски эти не имеют адаптивного, и всего менее «витального» значения для их носителей.

II. — Однако, как мы видели процессы медленной и постепенной эволюции окрасок и рисунков всего чаще связаны с моментами и факторами окружающей среды, с условиями жизни, с переменами последних, будь то изменения климата в широком смысле слова, либо поведения самих животных, либо с иммиграцией последних.

Но, как явствует из самого понятия «среды», эта последняя в естественных условиях, на воле, действует одновременно на **весь** состав животных в данной местности, на **всех** сочленов данной популяции, т.е. манерой, всего менее способной объяснить **различия** в возникновении цветковых отметин и «сигнальных пятен» в оперении птиц, живущих в той же местности, при сходных окружающих условиях.

Что это так — в этом нетрудно убедиться, обратившись к более подробному анализу этого «фактора среды» и его роли и значения в процессе видообразования.

Не легко найти другую тему, более дискуссионную и сложную, чем давняя проблема о значении «среды», будь то для жизни человеческого общества, или проблемы эволюции живого мира.

Но особенно запутана эта проблема в отношении пернатых властелинов воздуха, не только во внимание к «обширности» их окружающей среды, раздвинутой способностью полета, обусловившей явление миграции и пролетов, но и тем богатством форм и красок, что присуща классу птиц и, в частности, Отряду попугаев.

С трех аспектов, в трех различных отношениях проблема эта в применении к интересующей нас группы птиц особо поучительна.

- A. «Среды» — как фактора географического.
- B. «Среды», как фактора экологического, и
- C. «Среды», как фактора, или момента физиологического.

Разберем последовательно все эти три раздела.

A. Значение Среды, как фактора **географического**, несколько условно выявляется на множестве примеров. Мы отметим следующие.

- a. Снижение, умаление яркости нарядов попугаев с удалением от экватора, так, попугаи **Ара** с их великолепным одеянием — кобальтово-синим, киноваре-красным, ярко-желтым и смарагдово-зеленым (.....) — аборигены знойных, влажных тропиков Бразилии и смежных стран, чем дальше от экватора, тем более склонны потерять пылающие краски своего наряда, заменяясь в южной Аргентине и Патагонии невзрачным близко родственным, гнездящимся в отвесных скалах ровной и безлесной части Южной Америки до Магелланова пролива.
- b. Невзрачность большинства Ново-Зеландских попугаев группы «Несторов».
- c. Траурное оперение мадагаскарских попугаев группы «Ваза», не случайное, если учесть отсутствие ярко окрашенных на том же острове и относительную тусклость оперения попугаев африканского материка.

B. — Среда в ее значении, как **экологического** фактора, еще нагляднее и проще может быть показана на тусклом одеянии немногих попугаев, променявших жизнь в ветвях на таковую близ земли и на самой земле.

Два относящихся сюда примера, именно «Совиных» попугаев (.....) с Новой Зеландии и «Земляных» попугайчиков (.....) Ю. Австралии и Тасмании имеют сходную окраску оперения оливкового цвета, испещренную полосками и пятнами, что делает их трудно отличимыми от почвы, близ которой протекает большая часть жизни этих птиц.

Такое сходство защитной окраски у обеих тем разительнее, что помимо тяги их к земле и гнездования на ней, две эти птицы, как известно, резко разнятся не только по размерам, но и по летательным способно-

стям: именно полному отсутствию ее у крупного новозеландской и стремительному «бекасиному» полету у второй.

Весьма характерно, что на обоих столь различных по строению, размерам и повадкам представителей совсем различных двух семейств Природа набросала не в пример всем прочим попугаям защитной покров тускло-оливкового цвета, испестрив его разводами и пятнами под цвет корней бескрылого по функции «Новозеландца» и стремительного летуна «пещерно-земляного» попугая.

И учитывая поразительное соответствие окраски этих птиц, объединяемых только привязанностью их к земле, единственных во всем отряде так всецело распростившихся с воздушной кроной зелени деревьев, этой исконной родиной всех попугаев, — следует признать что смысл и значение этих нарядов цвета мха и камыша, как защитных окрасок, выступает с полной очевидностью.

И все же, подтверждая эту связь обеих птиц с их окружающей средой, при том **вторично** занятой, **вторично** обусловившей теперешнюю их окраску, — этот защитной наряд обеих птиц — увы! — ничем не выдает реальную причину, подлинный конкретный фактор, обусловивший эту созвучность цвета оперения и окружающей среды, вновь завоеванной и вновь освоенной: там, у «Совиных попугаев» — царства папортника, мха, здесь, у пещерных попугайчиков — царства травы и камыша.

За констатацией самого факта связи организма со средой непонятыми остаются — факторы, причины, породившие это созвучие и эту связь: прямое ли влияние почвы, света, влаги, или косвенная связь в лице великих регуляторов Природы, — жизненной борьбы и порождаемого им естественного подбора.

Но, конечно, самым убедительным, реальным аргументом в пользу роли и значения «среды», как фактора формообразования, было и есть явление локального викариата, факт географического замещения в смежных ареалах той же формы близкими взаимно заменяющими расами.

Распространенность этого явления во всем животном мире говорит о некоей всеобщности им управляющих законов, а заведомая **небиологичность** большинства различий, свойственных этим локальным расам, их минуциозность и нейтральность в жизни (неполезность и невреждность) выключает главный конкурирующий фактор видообразования — Естественный Подбор.

Достаточно напомнить бесконечные вариации пунцовых пятен и полос на оперении зеленых Амазонов, или прихотливые отметины и разрисовки желтым, черным и зеленым на пунцовом оперении малайско-австралийских и новогвинейских Лори, чтобы согласиться с этим выдвиганием локальных факторов при объяснении этих причудливых окрасок.

Правда, что и здесь приходится учесть три обстоятельства, снижающие ценность этих выводов.

Так всего прежде — невозможность вскрыть действительную связь между наличием того или иного цвета и узора птиц и обитания их в определенной местности.

И во вторых: внедрение другого, столь же эффективного момента, именно явления «скачка», «прерыва постепенности», обязанного эндогенным, внутренним причинам, для которых внешняя среда играла роль то ли «суммирующего» начала, исподволь подготавливавшего скачек, то ли, особенно для ареалов, замкнутых и отграниченных «барьерами» — начала изоляции, как то особенно характерно для многих островных и вообще узко-локальных рас.

И, наконец, последнее соображение, подобно черной тени нас сопровождающее при попытке объяснить **одной** теорией, **одной** причиной многозначное явление окраски у животных: это обитание совместное в **одной и той же** местности, при **том же** корме, климате и почве **разных** по окраске видов, и, обратно, широчайшее распространение в **различных** местностях, при **разной** почве, **разном** климате и **разной** пище **тех же** видов.

В. Столь же разнозначны — противоречивы данные **Физиологии**, касающиеся питания попугаев.

Если в отношении некоторых форм это последнее является глубоко-специфичным, как то установлено для черных «Ара-Какаду», кормящихся на воле исключительно орехами, или Совиного Ново-Зеландского, питающегося корнями и побегами, то большинство других гораздо менее ограничено составом корма, а в неволе, как известно, делаются почти всеядными.

Известно, прав да, что в неволе многие из попугаев, как в особенности Амазонские, меняют свой зеленый цвет на испещренный желтыми пестринами там, где их нормально не имеется (как на спине и мантии.) известно также со времен **Уоллеса**, что давая попугаям необычный корм, туземцы научились вызывать искусственно такие желтые пестрины.

И, однако, как ни любопытны эти факты, убедительность их умалывается двумя соображениями.

Стойкостью окраски оперения большинства всех попугаев, содержащихся в неволе (и при том ввиду живучести их в продолжении многих лет!) на кормовом режиме, абсолютно непохожем и несвойственном на воле.

Невозможностью установить, насколько эти изменения пера от перемены корма (те же желтые пестрины Амазонов) смогут закрепиться, унаследоваться в потомстве, а не представляют только временный и переходящий, физиологический эффект, реакцию на **временные** кормовые стимулы.

Все вместе взятое нас побуждает, признавая полностью громадное значение «среды» во всех родах и формах проявления ее и ее действиях на организмы, — указать со всей определенностью, что опирается это признание больше на теоретические установки и на доводы «по аналогии», чем на незабываемые факты эмпирического наблюдения, вполне проверенные опытом.

III. — Тем более уместно обратиться к третьему источнику нас занимающих изменений, к рассмотрению явления «скачкообразных» уклонений и при том, как фактов эмпирического наблюдения, не предпрешая порождающих их факторов, или условий и причин, содействующих выявлению этих скачков.

Два рода фактов здесь заслуживают нашего внимания.

Всего прежде — нам уже знакомые из прошлого явление дихроматизма, и, как мы увидим ниже, — даже полихроматизма.

В наиболее известной форме эта двойственность окраски обусловлена бывает полом, начиная от едва заметной разницы в деталях оперения самцов и самок и кончая случаями, не имеющими себе равных.

В слабой и начальной форме этот «половой дихроматизм» наблюдается в самых различных группах попугаев, как то явствует из нижеследующих примеров:

Группа «**Ожереловых**», так широко распространенных в Африке и Азии, заслуживает это наименование лишь для самцов, поскольку самочки обычно лишены изящных черно-розовых ошейников.

Довольно необычна разница в окраске полов у так наз. «шлемоносного», или «красноголового» какаду Австралии и Тасмании (.....): лишь небольшого роста эта птица пепельного цвета, однотонного без ясного рисунка у самцов и испещренного у самок и у молодых белыми кромками на крыльях и спине и киноваре-красными на брюхе. И, как будто возмещая эту однотонность большей части оперения самцов, эти последние имеют ярко-красную расцветку головы, украшенную красными же странно завитыми, скрученными перьями хохла.

И глядя на такое странное распределение цветов, невольно хочется сказать: то же количество киноваре-красного пигмента предоставлено, отпущено обоим полам, но в то время, как у молодых и самок он рассеян на груди и брюхе, у самцов он сконцентрировался в красном кивере и огненном плюмаже.

И при виде этой скарденности, столь несвойственной природе при расцветке попугаев, остается только по-дивиться этой ее скупости, тщетно пытаясь отыскать ей оправдание и смысл.

И, однако, самый факт сосредоточения киновари именно на голове самцов, столь часто изукрашенной у прочих попугаев-какаду хохлами и султанами, подсказывает нам о роли и значении его, как сексуально-украшающего признака.

Еще нагляднее об этом говорит нам оперение попугаев рода, в двух десятках форм распространенных по австро-малайскому архипелагу.

Тривиальное свое название «красноголовых» эти попугаи получили лишь за оперение самцов: прелестный киноваре-красный (у — желтый) цвет передней части головы, лазурно-фиолетовое темя,

бирюзовое перо затылка, постепенно лишь переходящее в зеленую окраску остального оперения, нарушаемую только черным цветом маховых (с их тыльной стороны), контрастно отделяемых от ярко-голубых подмышечных и нижних кроющих крыла.

А самки? Сплошь зеленые с лазурными подмышечными перьями, как у самца, но с темной, буровой головой.

Мы видим, таким образом, что самочка не просто лишена цветистого окраса головы, присущего самцу, но заменила киноварь и кобальт специфичным темным и невзрачным цветом, т.е. усилением пигмента в сторону как будто нарочитой скромности наряда.

Но допустим, что при небольших размерах этих попугаев и при гнездовании их в дуплах темная головка самок может быть отчасти и на пользу самочке, хотя участвуют в высиживании оба пола.

И, однако, эти и подобные им спекуляции теряют всякое значение, когда просматривая великолепные таблицы сочинений **Гульда**, посвященного Ново-Гвинейским птицам, убеждаешься, что у других ближайших представителей того же рода (.....) самочки имеют голову то сплошь зеленую (.....) при красно-кобальтовой у самца, то сходно с таковой же у самца, сменившего цветистую окраску головы на однотонную зеленую (.....).

Здесь, как и обычно, доводы, приемлимые для одних примеров, ануллируются в приложении к другим. И всего больше убеждает в этом нас знакомство с группой попугаев, относимых к роду «благородных» (.....) роду

Цветовая разница обоих полов этих птиц настолько велика, что может оправдать беглый экскурс в историю вопроса.

Это было в начале семидесятых годов прошлого столетия, когда известным орнитологом, исследователем Австро-Малайского Архипелага доктором Мейером, было замечено, что все **красные** им добытые попугаи (относившиеся к виду *Линнеи*) были **самки**, все же **зеленые** (дотоле называвшиеся полихлорос) — **самцы**.

Невероятность объяснения такой добычи делом «случая» заставила пересмотреть хранившиеся по музеям экземпляры. Результат был неизменно тот же: Синие-красные, дотоле причислявшиеся к виду «*Линнеи*» оказывались неизменно самками, а все зеленые, дотоле относимые к виду полихлорос оказывались — самцами.

Также замечено было, что все добытые молодые — были красные, а часть более взрослых молодых — зеленые с остатками отдельных красных перьев.

Вместе взятое доказывало принадлежность красного наряда и зеленого различным полам той же птицы, именно рода в разных местных формах населяющих как Новую Гвинею, так и прилегающие острова молуккские и Австро-малайского Архипелага.

Различаясь лишь деталями, наличием или отсутствием желтого цвета на конце хвоста и нижних кроющих, все эти расы разделяют этот замечательный дихроматизм и при том характера и направления, обратных ожидаемому.

Можно быть уверенным, что предложив любому человеку, несколько причастному к естествознанию, вопрос, которому из полов этих попугаев причитается зеленая окраска и которому — пунцовая, мы услышали бы в ответ, что «покровительственная зеленая» присуща самкам, более нуждающимся в покровительственной окраске.

И, однако же, фактически распределение цветов как раз обратное ожидаемому и защитный цвет приходится на долю пола, менее нуждающегося в защите, именно — самцов.

Есть, правда, указание (О. Гейнрота) на то, что птицы с красным оперением (самки) несравненно реже попадают на воле, чем зеленые (самцы) и что последние менее скрытные и выдаваемые издали своим белесоватым, светлым клювом... И, однако, факт приурочения защитного оперения не самке, а самцу, настолько выпадает из обычной нормы и закономерности, что ставит под сомнение пользу и значение окраски попугаев вообще, сомнение, подтверждаемое наблюдениями на месте.

Да и в самом деле. От кого, так спрашивает О. Гейнрот, наблюдавший этих птиц на месте, — от кого оберегаться и спастись этим крупным птицам, наделенным мощным клювом и способностью к самозащите от немногочисленных пернатых хищников их знойной родины?

Но, если так, то с точки зрения «защитной окраски» польза той или иной расцветки хорошо летающего попугая (каковых громаднейшее большинство!) становится весьма сомнительной, не исключая даже и зеленых оперений, слишком часто нарушаемых со стороны их «незаметности» то яркими пестринами и пятнами, то ярким клювом (как у обитающего вместе с только что рассмотренными попугаями рода, крупного ярко-зеленого, украшенного золотом, лазурью, бронзой попугая рода

Укрепляют нас в этом сомнении еще два следующих обстоятельства.

Так, всего прежде, прихотливость разделения всех красочных, цветистых попугаев — и при том в пределах близких групп — на «мономорфных» и «диморфных» (говоря точнее: моно- и ди-хроматичных) в отношении полов.

Оставаясь лишь в пределах групп уже рассмотренных, достаточно отметить, что в обширном роде австралийских «Платицеркусов» (так наз. «широкохвостых» попугаев), обнимающих до 20 различных форм, — громаднейшее большинство их **моно-**морфно, а в соседнем роде Апрос смиктус (обитающих в той же Австралии, в Новой Гвинее и Молуккских островах) самцы и самки резко различаются по цвету.

Более того. В одном и том же роде, австралийском пары то весьма различны по окраске (.....) то неотличимы (.....).

Это — во первых. И учитывая обитаемость в одних и тех же местностях Австралии (как в частности в Н.Ю. Уэллесе) самых разных видов **Platycercus** вместе с представителями **P. aprosmictus polyteles** и других родов, отстаивать **полезность** тех или иных нарядов птиц, то мономорфных, то диморфных, более, чем затруднительно..

Все говорит за то, что объяснить этот цветник узоров, красок в их столь расточительном разнообразии при тождестве среды и жизненных повадок можно только, исходя из внутренних причин и внутренних закономерностей..

И окончательно нас убеждает в этом оперение маленького попугая, наиболее знакомого и незологам, единственного ставшего в известном смысле полудомашненным из сотен представителей всего Отряда.

Нами разумеется так называемый «Волнистый попугайчик» (*Melopsittacus undulatus*), разводимый издавна в неволе, в клетках в такой степени успешно, что импорт их из родной Австралии, еще недавно столь громадный, ныне оказался нерентабельным.

Обычная окраска этих попугайчиков общеизвестна: снизу ярко-зеленая, сверху тонко- струйчатая из переменных желтовато-черных поперечных кромок и каемок, истончающихся к темени. Лоб — подбородок, щеки — ярко-желтые, последние с характерными темно-синими отметинами-точками.